

МЕТОДЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 911.37, 314.7

ФАКТОРЫ ИСХОДЯЩЕЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ДАННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА

А.В. Лялина

Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Центр социально-экономических исследований региона; научный сотрудник, канд. геогр. наук; e-mail: amazova@kantiana.ru

В статье на примере Калининградской области рассматривается структура и причины исходящей миграции населения после 2022 г. с использованием данных опроса жителей региона об индивидуальном миграционном опыте и о миграционном опыте ближайшего окружения, проведенного весной 2024 г. Выявлено, что высокая миграционная подвижность местного населения, а также существенная доля новоселов, в частности, обусловили высокую частоту встречаемости переезда за пределы региона среди взрослого населения: каждый пятый совершеннолетний житель имеет среди знакомых хотя бы одну семью, покинувшую регион в 2022–2023 гг. Вероятно, имеет место также транзитная миграция через территорию региона. Выезд калининградцев за рубеж был обусловлен главным образом факторами безопасности, политическими мотивами, но также и стремлением улучшить экономические условия проживания (при переезде в страны дальнего зарубежья). Важнейшую роль сыграли социальные миграционные связи. Мотивация переезда в другой регион России оказалась связана прежде всего с поиском более высокооплачиваемой работы и лучших возможностей для самореализации, финансовым благополучием. При этом переезд за рубеж затронул преимущественно жителей 25–44 лет с высшим образованием, занятых в сфере информационных технологий, строительства и промышленности, торговли и услуг, в том числе работающих в качестве предпринимателей и самозанятых. Другой регион России выбирали представители разных возрастных групп, в том числе 45–55 и 18–24 лет, со средним профессиональным или высшим образованием, занятые в бюджетной сфере, торговле и услугах, строительстве, промышленности, а также учащиеся и студенты.

Исследование показало, что активизация миграционного потенциала в Калининградской области в кризисных ситуациях происходит по линии миграционных связей и вследствие накопленного опыта мобильности и более низкой шокоустойчивости региона по причине высокой импортозависимости его экономики (что усугубляет проблему разрыва в уровне социально-экономического развития с другими территориями), что актуально как для внутристрановых, так и международных перемещений.

Ключевые слова: отток населения, исходящая миграция, причины миграции, квалифицированные специалисты

DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.80.2.3

ВВЕДЕНИЕ

Начало специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. и последующая мобилизация в сентябре 2022 г. обусловили в России всплеск выезда россиян за рубеж. Масштабы этого процесса экспертами оцениваются в 0,5–1,0 млн человек [Russians..., 2024] за февраль 2022 – июль 2023 г. Стремительный, фактически одномоментный отток населения имел свою специфику в отличие от других волн исходящей миграции России [Воробьева и др., 2017] вследствие специфичности причин его обусловивших и спонтанности принятия решения о переезде. Угроза мобилизации определила преобладание в исходящем потоке молодых мужчин, пребывающих в запасе. Спонтанность решения о

переезде свидетельствует о вовлечении в исходящую миграцию обеспеченных жителей России, имеющих финансовые возможности уехать из страны и обладающих достаточной квалификацией и навыками (прежде всего знанием языка) для трудоустройства за рубежом. Поэтому исходящая миграция в большей степени затронула жителей крупных городов. Такой переезд чаще осуществлялся в государства, предлагающие облегченный режим въезда и пребывания для граждан России. Так, основными странами вселения стали Казахстан и Сербия, а также Армения, Грузия, Киргизия, Турция. Ограничения на внешнеэкономическое взаимодействие (например, на финансовые операции) граждан России предопределило миграционную активность специ-

алистов, занятых на международном рынке труда (например, ИТ-специалистов). Несогласие с официальным курсом страны стимулировало выезд части населения с активной жизненной позицией.

Наряду с волной исходящей миграции в этот период активизировались и процессы внутренней межрегиональной миграции населения, обусловленные прежде всего изменением социально-экономических условий жизни в регионах. Прежде всего это касается межрегиональной трудовой миграции, которая после снижения объемов в 2022 г. на 7% относительно 2021 г., в 2023 г. опять возросла – 2% к 2022 г.¹ При этом объемы межрегиональной постоянной миграции в 2022–2023 гг. в целом оставались на уровне 2021 г.²

Регионы России оказались вовлечены в эти процессы неодинаково. Исходящая миграция в Калининградской области имела ряд особенностей, обусловленных как особым эксклавым положением и территориальной близостью к странам Европы, так и накопленным миграционным опытом населения.

Сегодня на фоне обострения геополитической напряженности на западных рубежах России влияние эксклажности на развитие Калининградской области значительно усилилось через рост ее отделенности и удаленности. Это ведет к усилению традиционных и появлению новых рисков и угроз, которые сказываются как на снижении миграционной привлекательности региона, так и на формировании выталкивающих факторов. Во-первых, это геополитические и военные риски, связанные с военным противостоянием со странами НАТО, блокадой региона. Во-вторых, экономические вызовы и угрозы по причине сохранения высокой импортной зависимости экономики региона, возможного ухода производств в основную часть страны, диспропорций территориально-отраслевой структуры. Особую озабоченность представляют транспортно-логистические ограничения по причине роста уязвимости транспортной связанности с основной территорией России (ухудшение сухопутного транзита, риски установления ограничений со стороны стран НАТО на морские перевозки). В-третьих, социальные риски и угрозы в связи с более глубоким падением уровня жизни населения относительно ситуации в среднем по РФ.

Территориальная близость к странам Европы, некогда определявшая стратегию социально-экономического развития региона по модели «коридора развития» [Федоров, 2010], «витрины России», с помощью которой преодолевались издержки экс-

клавности (малый размер экономики, уязвимость, удаленность, изолированность [Волощенко, 2024]), развивалось международное сотрудничество, сопровождаемое различными формами мобильности населения [Зотова и др., 2015], сегодня играет уже иную роль. С точки зрения исходящей мобильности, значение имеет миграционная подвижность населения области, сложившаяся в условиях открытости региона, социальные связи населения в иностранных государствах и экономическая доступность переезда в страны запада по причине их территориальной близости и наличия сухопутного транспортного сообщения. В то же время препятствовать исходящей миграции могут визовые и другие ограничения.

Безусловно на миграционный потенциал Калининградской области влияет не только миграционный опыт со странами потенциального вселения мигрантов, а в целом миграционная подвижность населения, его укорененность. С этой точки зрения область выделяется на фоне других российских регионов – доля коренных жителей Калининградской области, по данным Всероссийской переписи населения 2020 г., составляла 47%, в то время как в среднем по регионам РФ – 69%. Обращает внимание и достаточно высокий удельный вес новоселов (проживающих на территории региона менее 10 лет) среди жителей эксклава – 14,5% среди населения 18–50 лет, по данным Всероссийской переписи населения 2020 г., при средней по регионам РФ – 11%. Такая ситуация обусловлена высокой миграционной привлекательностью области, сохраняющейся на протяжении последних 10 лет, и возможностями краткосрочной международной мобильности.

Следствием существенно изменившихся условий развития эксклавного региона и страны в целом, активизации миграционного потенциала области стало падение сальдо миграции населения в регионе – с 16‰ в 2021 г. до 6‰ в 2022–2023 гг. Основной вклад пришелся на сокращение числа прибытий из других регионов России на 19% и рост числа выбытий в регионы России на 12%, страны ближнего зарубежья (БЗ) – в 1,6 раза³ и в страны дальнего зарубежья (ДЗ) – на 27%. Кроме того, значительно возросли масштабы исходящей межрегиональной трудовой миграции – в 1,4 раза в 2023 г. к 2022 г., достигнув максимальных значений с 2016 г. (6,1 тыс. чел.).

³ В миграции со странами БЗ фиксируется резкое сокращение числа выбытий во второй половине 2021 г. Это было обусловлено действием Указа Президента РФ от 15.06.2021 г. № 364, продлевающего сроки регистрации в России иностранных граждан (из-за последствий пандемии COVID-19). Таким образом, выбытия, не попавшие в учет в 2021 г., были избыточно учтены в начале 2022 г.

¹ По данным выборочного обследования рабочей силы Росстат в 2021–2023 гг.

² По данным бюллетеня Росстата «Численность миграции населения Российской Федерации» за 2021–2023 гг.

Поэтому в рамках данного исследования мы попытались выявить особенности структуры (половозрастной, квалификационной и др.), географии и факторов исходящей миграции в Калининградской области в 2022–2023 гг. с помощью социологического опроса жителей региона о собственном миграционном опыте и опыте их окружения.

Изученность темы. Современные волны исходящей миграции жителей России традиционно представляют интерес для отечественных исследователей [Воробьева и др., 2017; Алешковский, Бочарова, 2014]. Последней волне исходящей миграции 2022–2023 гг. посвящено не так много работ по причине сложности проведения исследований среди россиян, переехавших за рубеж. Отдельные результаты представлены в работах научно-исследовательских центров, расположенных в государствах вселения новых русских эмигрантов (например, [ICMPD Migration..., 2023; Камалов и др., 2024; Chervyakov, Giucci, 2023]). Исследования отечественных авторов показывают, что отток населения за рубеж затронул преимущественно молодых образованных и высококвалифицированных специалистов и предпринимателей в таких сферах, как IT, наука, дизайн [Архипова и др., 2023; Молдован, 2023; Таишева, 2022; Рахмонов, 2023; Евстратов, 2024; Пурен, Чимирис, 2024; Geiger, Syrakvash, 2023; Chankseliani, Belkina, 2024; Волошина, Лялина, 2022]. При этом отмечается, что в межконтинентальные миграции, например, в Бразилию, чаще были вовлечены целые семьи с детьми, чем в перемещения на меньшие расстояния [Ruseishvili, Ryazantsev, 2024]. Некоторые исследователи [Руденкин, 2023] утверждают, что страна столкнулась с новой волной «утечки умов». Основными причинами называют несогласие с действиями властей, ограничение на ведение трудовой деятельности и свободу передвижения, опасения за личную безопасность и отсутствие уверенности в завтрашнем дне.

Главным источником информации в подобных исследованиях выступают социологические опросы и интервью, охватывающие группы населения, сменившие место постоянного проживания. Однако в регионах исхода мигрантов это сделать проблематично. Тогда источником информации могут стать интервью с жителями региона, в окружении которых есть те, кто покинул регион. Несмотря на то что подобный подход практикуется социологами (например, [Эмиграционные..., 2022; Эмиграция..., 2022]), он имеет ряд недостатков и ограничений в интерпретации результатов. Среди них – невозможность достижения репрезентативной выборки, вероятность повторов в характеристике окружения, субъективность суждений о мотивах миграции и качественных характеристиках мигрантов и др.

В то же время полученные результаты могут рассматриваться в качестве первоначальной оценки наиболее распространенной мотивации переезда в региональном социуме и качественных характеристик населения, покинувшего регион. Согласно данным ВЦИОМ [Эмиграционные..., 2018], традиционно доля жителей страны, в окружении которых есть знакомые, покинувшие Россию в последние пять лет, колеблется от 20 до 26%.

Автору статьи не встретились исследования, посвященные анализу масштабов и факторов межрегиональной миграции в регионах России после 2022 г.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В марте–апреле 2024 г. в рамках проекта РНФ № 23-77-01102 «Миграционные факторы и риски в развитии трудового потенциала эксклавного региона в эпоху геополитической турбулентности» было проведено социологическое исследование, посвященное характеристике миграционного опыта жителей Калининградской области в период 2022–2023 гг. Социологическое исследование проводилось в форме опроса 1005 респондентов в возрасте 18–50 лет методом face-to-face по выборке, репрезентирующей население Калининградской области по типу населенного пункта (Калининград, города Калининградской области, села), полу и возрасту. Из общего числа респондентов покинуло регион и вернулось обратно 55 человек, или 5,5% выборки. В ходе опроса также удалось получить данные и описать 300 семей в составе 564 человек старше 18 лет и выяснить число выехавших несовершеннолетних 207 детей. Суммарно 771 человек.

Основная часть анкеты включала два блока вопросов, описывающих: а) собственный миграционный опыт респондента в 2022–2023 гг. (т. е. тех, кто вернулся в Калининградскую область) и б) миграционный опыт в ближайшем окружении. Обязательная группа вопросов касалась общих характеристик респондентов: пол, возраст, уровень образования, доходы, занятость, место проживания. Задавались следующие вопросы: «Покидали ли Вы Калининградскую область за последние два года с намерением жить в другом месте? Есть ли среди Ваших знакомых те, кто покинул Калининградскую область за последние два года? Как Вы думаете, какова основная причина того, что семья покинула Калининградскую область? Куда переехала эта семья? Каков состав этой уехавшей семьи? Сколько всего человек уехало, в том числе несовершеннолетних? Охарактеризуйте пол, возраст, уровень образования и сферу занятости совершеннолетних членов уехавшей семьи. Известно ли Вам, вернулись ли они в Калининградскую область?»

Анализ первичной информации проводился с помощью распределения частот и сопряжений, а также статистического анализа в программе IBM SPSS Statistics 27.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Характеристика калининградцев, вернувшихся в регион после отъезда из него в 2022–2023 гг. Эта группа жителей области представлена в большинстве (60–65%) своим мужчинами в возрасте 25–44 лет, проживающими в региональной столице. Брачное состояние, равно как и наличие детей в возрасте до 16 лет, по всей вероятности, выступали осложняющими переезд факторами. Так, доля респондентов, не состоящих в официальном браке, среди вернувшихся в регион оказалась выше, чем среди тех, кто не выезжал за пределы области в рассматриваемый период, – 43,6% против 38,1%, а доля не имеющих детей в возрасте до 16 лет – выше тех, у кого они были (56,4% против 47,6%).

Подавляющее большинство респондентов в группе уехавших и вернувшихся имели профессиональное образование, при этом доля лиц с высшим образованием несколько выше, чем доля тех, кто не уезжал из региона, – 31% против 27%. Более 83%

респондентов, вернувшихся в регион, описывали свое материальное положение до переезда «как хорошее» или «очень хорошее». В этой группе респондентов в три раза выше доля лиц с доходом более 100 тыс. р. в месяц (10% против 3% тех, кто не выезжал за пределы области), и в 1,5 раза – с доходами 40–100 тыс. р. в месяц (42% против 27%). Обращает внимание и структура респондентов по роду занятий: среди лиц с недавним миграционным опытом выше удельный вес высококвалифицированных специалистов из числа руководителей предприятий и подразделений (29% против 18%) и предпринимателей (11% против 7%). В отраслевой структуре преобладают торговля и услуги, промышленность, строительство и общественное питание, государственное управление и медицина.

Миграция в ближайшем окружении калининградцев. Более 21% опрошенных указали, что среди их друзей и знакомых есть семьи (или отдельные люди), покинувшие Калининградскую область в последние два года. Почти две трети описанных респондентами семей переехали в другой регион России, еще 29% – в страну ДЗ (рис.). При этом, ввиду того что в другую страну переехали в основном малосоставные семьи, их доля в общем числе покинувших регион в составе семьи едва достигает 13%.

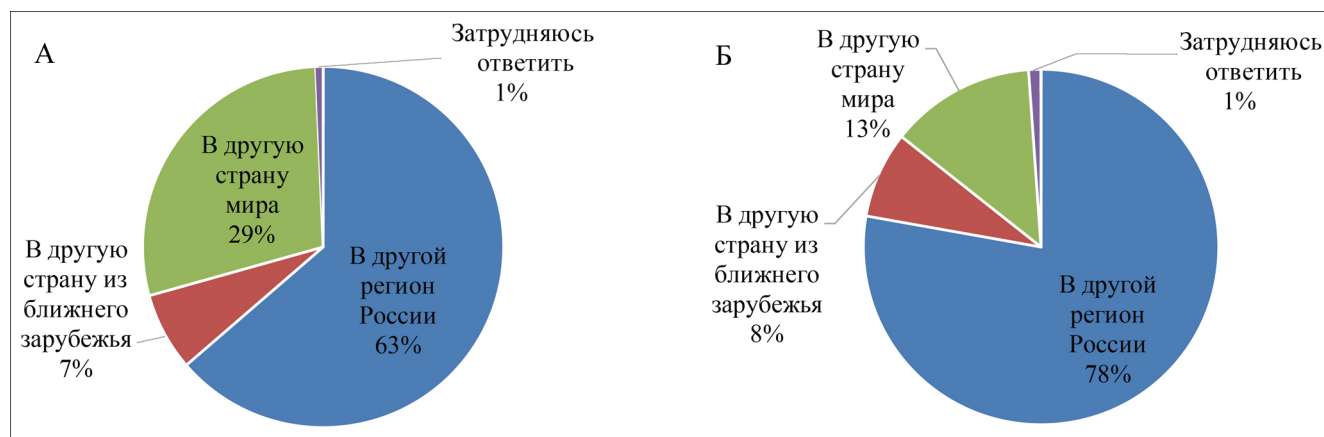

Рис. География территорий назначения калининградцев, покинувших регион в 2022–2024 гг.:

А – распределение семей; Б – распределение членов семей. *Источник:* составлено автором по данным массового опроса населения Калининградской области в 2024 г.

Fig. Geography of destination territories of Kaliningrad residents who left the region in 2022–2024:

А – distribution of families; Б – distribution of family members. *Source:* compiled by the author based on data from a massive survey of population of the Kaliningrad region in 2024

Мотивация исходящей миграции из Калининградской области различна в зависимости от территории назначения. В другие регионы России калининградцы, со слов опрошенных респондентов, переезжали в поиске лучших условий занятости (более высокой зарплаты, возможностей карьерного роста) и проживания (более дешевого жилья) (43%),

в том числе по причине значительного ухудшения уровня жизни в регионе (рост цен, низкие зарплаты) и роста «замкнутости» региона («сжатие» перспектив реализации трудового потенциала) (13%).

В миграции в страны БЗ ведущую роль сыграло наличие семейных связей (32%) и начало СВО на Украине, политические мотивы (32%), а также

ухудшение экономической ситуации в Калининградской области (рост цен, падение доходов).

Переезд в страны ДЗ был обусловлен прежде всего началом СВО на Украине (28%) и политическими мотивами, стремлением улучшить экономические условия проживания (28%). При этом почти для 14% семей, уехавших в страны ДЗ, основной причиной миграции, со слов респондентов, стал переезд к родителям или родственникам и изменение семейного статуса. Обращает внимание также повышенная значимость рисков безопасности вокруг эксклава (риски изоляции, близость государств, враждебно настроенных по отношению к России) в качестве причин исходящей миграции в страны ДЗ.

Описанные респондентами *семьи, переехавшие в другой регион России*, в половине случаев состояли из трех или более членов (включая одного или нескольких несовершеннолетних детей) (табл.). В то же время четверть семей включала только одного члена семьи. В миграцию оказались практически одинаково вовлечены и мужчины, и женщины. Преимущественно это жители региона в возрасте 35–44 лет (40%), а также 25–34 лет (25%) и 45 лет и более (21%). Уровень образования взрослых членов семьи достаточно высок – $\frac{4}{5}$ из них имели высшее или среднее профессиональное образование. Несмотря на сложности с описанием респондентами занятости покинувших регион, отдельные тенденции можно оценить: значимую часть в потоке составили квалифицированные рабочие промышленности, строительства и транспорта, работники сферы торговли и услуг, специалисты среднего звена, предприниматели и самозанятые. Респонденты отмечали крайне низкую долю вернувшихся в регион.

В исходящую миграцию в страны ДЗ, со слов респондентов, также оказались вовлечены многокомпонентные семьи – почти в трети случаев семьи состояли из четырех и более человек. При этом доля многодетных семей среди переехавших в страны ДЗ несколько выше, чем доля переехавших в другой регион России (3,5% против 2%). Гендерных отличий в выборе этого направления миграции также не фиксируется. Однако возрастная структура оказалась более «молодой» – 41% описанных совершеннолетних мигрантов были представлены лицами в возрасте 25–34 лет, еще 39% – в возрасте 35–44 лет. Уровень образования и квалификации выбравших миграцию в страны ДЗ оказался выше, чем среди внутренних мигрантов. Так, со слов респондентов, в половине случаев взрослые члены семьи имели высшее образование и работали специалистами высшего и среднего звена, предпринимателями. Треть эмигрантов были заняты в качестве рабочих в промышленности, строительстве или на транспорте. Обращает внимание также значимая часть

работающих в сфере информационных технологий (15%). По мнению респондентов, 96% переехавших не вернулись в Калининградскую область.

Миграция в страны БЗ в окружении опрошенных жителей Калининградской области оказалась не столь популярна. Состав семей в целом имел мало отличий от выбравших иные направления – более половины семей состояли из 3–4 человек, включая 1–2 несовершеннолетних детей. Миграцию в страны БЗ, со слов респондентов, заметно чаще выбирали мужчины в возрасте 35–44 лет. Обращает внимание пониженная доля лиц с высшим образованием в структуре потока (33%), уступающая представителям со средним профессиональным образованием (41%). Несмотря на преобладание в этой группе занятых в качестве квалифицированных рабочих в сфере промышленности и строительства и служащих, удельный вес предпринимателей и самозанятых оказался самым высоким среди других групп, покинувших регион. Выделяет эту категорию мигрантов также высокая представленность работников сферы информационных технологий (21%), работающих как в качестве самозанятых и предпринимателей, так и специалистов и руководителей подразделений.

ВЫВОДЫ

Полученные результаты оценки портрета и мотивации жителей Калининградской области, переехавших за рубеж в 2022–2023 гг., в целом демонстрируют ряд сходств с ситуацией, описанной для России в целом. Это прежде всего преобладание в исходящих потоках представителей сферы информационных технологий, а также распространенность политических мотивов и причин, связанных с началом Россией СВО на Украине. Для жителей Калининградской области в миграционном плане страны ДЗ оказались более доступны и желательны для переезда, чем страны БЗ, что объясняется как территориальной близостью, так и наличием социальных связей, отставанием Калининградской области от «соседей» по уровню жизни⁴. Так, ранее не выделяемая в числе значимых причина наличия семейных связей в странах назначения новых мигрантов оказалась одной из приоритетных для покинувших эксклав. Таким образом, высокая миграционная связанность Калининградской области с другими странами как

⁴ Согласно данным Калининградстата, Национального органа статистики Польши (Główny Urząd Statystyczny) и Департамента статистики Литвы (Lietuvos statistikos departamentas), среднедушевые доходы населения Калининградской области по ППС в 2022 г. были на 18% ниже, чем в среднем по воеводствам Польши (на 29% ниже, чем в соседнем Поморском воеводстве) и на 55% ниже, чем в уездах Литвы (на 51% ниже, чем в соседнем Клайпедском уезде).

Таблица

Демографические и профессиональные характеристики жителей Калининградской области, покинувших регион в 2022–2023 гг. (в ближнем окружении респондентов)

		Переезд, %		
		в другой регион России	в страну ДЗ	в страну БЗ
А1. Состав семьи, чел.	1	24	17	24
	2	29	33	19
	3 и более	47	50	57
А2. Наличие детей, чел.	1	53	50	55
	2	42	42	45
	3 и более	5	9	0
А3. Семьи с детьми	Доля семей с детьми	45	42	52
Б1. Пол	Мужской	51	51	59
	Женский	49	49	41
Б2. Возраст, лет	18–24	15	7	15
	25–34	23	41	10
	35–44	40	39	56
	45–54	19	7	18
	55 и более	2	5	0
	Затрудняюсь ответить	1	0	0
Б3. Образование	Начальное, неполное среднее	1	1	0
	Среднее общее	11	5	15
	Среднее профессиональное	40	31	41
	Высшее, неполное высшее, два и более высших	38	52	33
	Затрудняюсь ответить	10	11	10
Б3. Профессиональная группа	Квалифицированный рабочий промышленности, строительства, транспорта	27	29	23
	Специалист, руководитель подразделения	18	17	13
	Служащий, технический исполнитель	7	14	18
	Предприниматель, самозанятый	5	9	15
	Работник сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	9	5	3
	Учащийся, студент	7	4	5
	Другое	11	7	14
	Затрудняюсь ответить	16	13	10
Б5. Сфера деятельности	Промышленность	8	6	21
	Информационные технологии, связь, интернет	2	15	21
	Торговля и услуги	15	16	9
	Строительство	9	6	15
	Общественное питание	1	1	9
	Государственное управление и безопасность	8	2	6
	Сельское хозяйство	1	3	6
	Здравоохранение	6	5	0
	Образование	2	2	0
	Другое	1	2	0
	Затрудняюсь ответить	47	44	15

Примечание. Приведено распределение жителей, покинувших Калининградскую область, по каждому из показателей А1, А2, Б1–Б5 (100% – по столбцу); А – характеристики семьи, Б – характеристики совершеннолетнего члена семьи.

в результате постоянной миграции (миграция из Казахстана и других стран БЗ, транзитная миграция через территорию региона в страны Западной Европы [Савоскул, 2016]), так и временных форм мобильности в страны ДЗ способствует, с одной стороны, насыщению входящих миграционных потоков в благоприятных условиях нарастания миграционной привлекательности региона, с другой – усиливает исходящие потоки в периоды актуализации выталкивающих факторов из региона.

Другим значимым фактором, выталкивающим население из региона, стало ухудшение социально-экономических условий проживания. В первую очередь это колоссальный рост цен при не столь за-

метном росте доходов населения, обусловленный, в том числе, последствиями эксклавного положения региона. Эта причина стимулировала отток жителей области прежде всего в другие регионы России, поскольку меньшие издержки от переезда в пределах страны сделали его возможным для более широкого круга жителей региона.

Полученные результаты в целом свидетельствуют о высоком потенциале и применимости данного подхода к выявлению преобладающих стратегий миграции из региона с учетом различий вовлеченных в миграционный процесс групп населения на основе информации, полученной от резидентов региона исхода.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-77-01102, <https://rscf.ru/project/23-77-01102/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешковский И.А., Бочарова З.С. Россия в глобальных миграционных потоках: история и современность // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2014. № 3–4. С. 3–24.
- Архипова Н.И., Васютина Е.С., Чавыкина М.А. Миграционные процессы: проблемы и решения // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. № 4. С. 8–25. DOI: 10.28995/2073-6304-2023-4-8-25.
- Волошенко К.Ю. Фактор эксклавноности в обеспечении экономической безопасности Калининградской области в национальных интересах России // Экономическая безопасность. 2024. № 7(11). DOI: 10.18334/есесec.7.11.122134.
- Волошенко К.Ю., Лялина А.В. Привлекательность Калининградской области: факторы притяжения и причины разочарования мигрантов из регионов России // Балтийский регион. 2022. № 14(3). С. 102–128. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-3-6.
- Воробьева О.Д., Алешковский И.А., Гребенюк А.А. Трансформация российской эмиграции на рубеже XX–XXI вв. // Век глобализации. 2017. № 4(24). С. 100–111.
- Евстратов А.Г. Проблемы релокации – «новой эмиграции» россиян в Армению после начала СВО на Украине // Новое прошлое. 2024. № 2. С. 228–240. DOI: 10.18522/2500-3224-2024-2-228-240.
- Зотова М.В., Себенцов А.Б., Головина Е.Д. Калининградская область в окружении Европейского Союза: приграничное сотрудничество и социально-экономические контрасты // Вестник ЗабГУ. 2015. № 3(118). С. 145–157.
- Молдован А.А. Влияние российской миграции на экономику стран-доноров в 2022 году на примере Азербайджана, Армении, Казахстана, Узбекистана и Грузии // Московский экономический журнал. 2023. № 8(10). DOI: 10.55186/2413046X_2023_8_10_497.
- Пурен К.А., Чимириш Е.С. Феномен релокации. Модели экономического поведения российских мигрантов после февраля 2022 года // Полития. 2024. № 3(114). С. 145–171. DOI: 10.30570/2078-5089-2024-114-3-145-171.
- Рахмонов А.Х. Вынужденная эмиграция из России 2022: потенциал российских IT-специалистов для центральноазиатских стран-участниц СНГ // Вестник университета. 2023. № 7. С. 162–170. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-7-162-170.
- Руденкин Д.В. Специальная научная эмиграция: почему из России уезжают ученые? // Социодиггер. 2023. № 3–4. С. 14–21.
- Савоскул М.С. Формирование и эволюция российско-германской транснациональной миграционной системы: дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2016. 483 с.
- Ташиева В.В. Цифровые кочевники и миграционные процессы в российской IT-сфере: политологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. № 24(3). С. 460–479. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-460-479.
- Федоров Г.М. Калининградская дилемма: «Коридор развития» или «Двойная периферия»? Геополитический фактор развития российского эксклава на Балтике // Балтийский регион. 2010. № 2(4). С. 5–15. DOI: 10.5922/2074-9848-2010-2-1.
- Chankseliani M., Belkina E. Academic Exodus from Russia: Unravelling the Crisis, *Journal of Comparative & International Higher Education*, 2024, vol. 16(3), p. 97–105, DOI: 10.32674/jcihe.v16i3.6304.
- Geiger M., Syrakvash V. Georgia as Transient Space and Talent Harbor for Russian and Belarusian IT Specialists, *Journal of International Migration and Integration*, 2023, vol. 24(S5), p. 957–978.
- Ruseishvili S., Ryazantsev S. Transcontinental trajectories: Exploring Russian war-induced migration dynamics in Brazil, *International Migration*, 2024, vol. 62, p. 189–210, DOI: 10.1111/imig.13322.
- Электронные ресурсы**
- Камалов Э., Сергеева И., Завадская М. и др. Полтора года спустя: прогресс и барьеры в интеграции российских эмигрантов. Аналитический отчет по третьей волне опроса проекта OutRush. Январь 2024.

- URL: outrush.io/report_january_2024 (дата обращения 01.08.2024).
- Эмиграционные настроения россиян-2018 // ВЦИОМ. 2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/emigracionnye-nastroeniya-rossiyan-2018> (дата обращения 30.07.2024).
- Эмиграционные настроения: мониторинг // ВЦИОМ. 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracionnye-nastroeniya-monitoring> (дата обращения 30.07.2024).
- Эмиграция и эмиграционные настроения // ФОМнибус. 2022. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14712> (дата обращения 30.07.2024).
- ICMPD Migration Outlook. International Center for Migration Policy Development. Vienna, URL: [icmpd.org/file/download/59104/file/230215JCPD_Migration_Outlook_EasternEuropeCentralAsia_2023_final.pdf](https://www.icmpd.org/file/download/59104/file/230215JCPD_Migration_Outlook_EasternEuropeCentralAsia_2023_final.pdf) (дата обращения 15.08.2024).
- Russians have emigrated in huge numbers since the war in Ukraine, The Economist, 2023, URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/08/23/russians-have-emigrated-in-huge-numbers-since-the-war-in-ukraine> (дата обращения 28.07.2024).
- Chervyakov D., Giucci R. Relocation of people from Russia to Armenia: results of 2nd survey and update of economic implications. Policy Study Armenia PS 02. 2023, URL: https://www.german-economic-team.com/wp-content/uploads/2023/04/GET_ARM_PS_02_2023_en.pdf (дата обращения 30.07.2024).

Поступила в редакцию 30.09.2024

После доработки 15.11.2024

Принята к публикации 21.01.2025

FACTORS OF OUTMIGRATION OF THE POPULATION OF THE KALININGRAD REGION: DATA FROM A SOCIOLOGICAL SURVEY

A.V. Lialina

*Immanuel Kant Baltic Federal University, Center for Regional Socio-Economic Research,
Scientific Researcher; Ph.D. in Geography; e-mail: amazova@kantiana.ru*

Using the example of the Kaliningrad Region, the article examines the structure and causes of population outmigration after 2022 using data from a survey conducted in the spring of 2024. The residents of the region were questioned on individual migration experience and on the migration experience of their immediate surroundings. It was revealed that the high migration mobility of the local population, as well as a significant proportion of new settlers, in particular, determined the high frequency of outmigration among the adult population: every fifth adult resident has at least one family among their acquaintances that left the region in 2022–2023. Transit migration through the region's territory probably also takes place. The emigration of Kaliningrad residents was mainly due to security factors, political motives, but also the desire to improve economic living conditions (when moving to non-CIS countries). Social migration ties played a crucial role. The motivation for moving to another region of Russia is primarily the search for a high-paying job and better opportunities for self-realization, improving financial well-being. The emigration processes mainly involved residents aged 25–44 with higher education, employed in the field of information technology, construction and industry, trade and services, including those working as entrepreneurs and self-employed. Another region of Russia was chosen by representatives of different age groups, including 45–55 years old and 18–24 years old, with specialized secondary or higher education, employed in the public sector, trade and services, construction, industry, as well as students.

The study showed that the activation of migration potential in the Kaliningrad region in crisis situations occurs through migration links and due to the accumulated experience of mobility and lower resilience of the region because of the high import dependence of its economy (which exacerbates the gap in the level of socioeconomic development with other territories), which is relevant for both internal and international migration.

Keywords: out migration, emigration, causes of migration, skilled professionals

Acknowledgements. The research was financially supported by the Russian Science Foundation (project no. 23-77-01102).

REFERENCES

- Aleshkovski I.A., Bocharova Z.S. Rossiya v global'nykh migratsionnykh potokakh: istoriya i sovremennost' [Russia in the system of global migrational processes: history and modernity], *Vestn. Mosk. Un-ta, Ser. 27, Globalistika i geopolitika*, 2014, no. 3–4, p. 3–24. (In Russian)
- Arkhipova N.I., Vasiutina E.S., Chavykina M.A. Migratsionnye protsessy: problemy i resheniya [Migration processes. The issues and solutions], *Vestnik RGGU, Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, 2023, no. 4, p. 8–25, DOI: 10.28995/2073-6304-2023-4-8-25. (In Russian)

- Chankseliani M., Belkina E. Academic Exodus from Russia: Unravelling the Crisis, *Journal of Comparative & International Higher Education*, 2024, no. 16(3), p. 97—105, DOI: 10.32674/jcihe.v16i3.6304.
- Evstratov A.G. Problemy relokatsii – “novoj emigratsii” rossiyan v Armeniyu posle nachala SVO na Ukraine [Problems of Relocation – “New Emigration” of Russians to Armenia after the Start of the Special Military Operation in Ukraine], *Novoe Proshloe*, 2024, no. 2, p. 228—240, DOI: 10.18522/2500-3224-2024-2-228-240. (In Russian)
- Fedorov G.M. The Kaliningrad dilemma: a “development corridor” or a “double periphery”? The geopolitical factor of the development of the Russian exclave on the Baltic Sea, *Baltic Region*, 2010, no. 2(4), p. 4—12, DOI: 10.5922/2079-8555-2010-2-1.
- Geiger M., Syrakvash V. Georgia as Transient Space and Talent Harbor for Russian and Belarusian IT Specialists, *Journal of International Migration and Integration*, 2023, vol. 24(S5), p. 957—978, DOI: 10.1007/s12134-023-01082-0. (In Russian)
- Moldovan A.A. Vliyaniye Rossiiskoi migratsii na ekonomiku stran-donorov v 2022 godu na primere Azerbaidzhana, Armenii, Kazakhstana, Uzbekistana i Gruzii [The impact of Russian migration on the economy of donor countries in 2022 on the example of Azerbaijan, Armenia, Kazakhstan, Uzbekistan and Georgia], *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal*, 2023, no. 8(10), DOI: 10.55186/2413046X_2023_8_10_497. (In Russian)
- Puren Ch.A., Chimiris E.S. Fenomen relokatsii. Modeli ekonomicheskogo povedeniya rossijskih migrantov posle fevralya 2022 goda [Relocation Phenomenon. Models of Economic Behavior of Russian Migrants after February, 2022], *Politeia*, 2024, no. 3(114), p. 145—171, DOI: 10.30570/2078-5089-2024-114-3-145-171. (In Russian)
- Rakhmonov A.Kh. Forced emigration from Russia 2022: Russian IT-specialists’ potential for Central Asian CIS member countries, *Vestnik Universiteta*, 2023, no. 7, p. 162—170, DOI: 10.26425/1816-4277-2023-7-162-170.
- Rudinkin D.V. Spetsial’naya nauchnaya emigratsiya: pochemu iz Rossii uezzhayut uchenye? [Special scientific emigration: why are scientists leaving Russia?], *Sotsiolog*, 2023, no. 3—4, p. 14—21. (In Russian)
- Ruseishvili S., Ryazantsev S. Transcontinental trajectories: Exploring Russian war-induced migration dynamics in Brazil, *International Migration*, 2024, no. 62, p. 189—210, DOI: 10.1111/imig.13322.
- Taisheva V.V. Tsifrovye nomady i migratsionnye protsessy v rossiiskoi IT-sfere: politologicheskii analiz [Digital nomads and migration processes in the Russian IT: a political analysis], *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov, Seriya: Politologiya*, 2022, no. 24(3), p. 460—479, DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-460-479. (In Russian)
- Savoskul M.S. *Formirovaniye i evolyutsiya rossiisko-germanskoj transnatsional’noi migratsionnoi sistemy* [Formation and evolution of the Russian-German transnational migration system], Doctoral Thesis in Geography, Moscow, 2016, 483 p. (In Russian)
- Voloshenko K.Yu. Faktor eksklavnosti v obespechenii ekonomicheskoy bezopasnosti Kaliningradskoy oblasti v natsionalnykh interesakh Rossii [The role of exclave in ensuring the economic security of the Kaliningrad Region in Russia’s national interests], *Ekonomicheskaya bezopasnost*, 2024, no. 7(11), DOI: 10.18334/ecsec.7.11.122134. (In Russian)
- Voloshenko K.Yu., Lialina A.V. Attractiveness of the Kaliningrad region: pull factors and reasons for disappointments of migrants from Russian regions, *Baltic Region*, 2022, vol. 14, no. 3, p. 102—128, DOI: 10.5922/2079-8555-2022-3-6.
- Vorob’eva O.D., Aleshkovski I.A., Grebenyuk A.A. Transformatsiya rossiiskoi migratsii na rubezhe XX–XXI vv. [The transformation of Russian emigration at the turn of the XX–XXI centuries], *VEK GLOBALIZATSII*, 2017, no. 4(24), p. 100—111. (In Russian)
- Zotova M., Sebentsov A., Golovina E. Kaliningradskaia oblast’ v okruzenii Evropeiskogo Soyuza: prigranichnoe sotrudnichestvo i sotsial’no-ekonomicheskie kontrasty [Kaliningrad region in the EU surrounding: cross-border cooperation and socio-economic contrasts], *Vestnik Zabaikal’skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 3(118), p. 145—157. (In Russian)
- Web sources*
- Kamalov E., Sergeeva I. A Year and a Half in Exile: Progress and Obstacles in the Integration of Russian Migrants, URL: outrush.io/report_january_2024 (access date 01.08.2024).
- Emigratsionnye nastroyeniya rossiyan-2018 [Emigration sentiments of Russians-2018], VCIOM, 2018, URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/emigratsionnye-nastroyeniya-rossiyan-2018> (access date 30.07.2024).
- Emigratsionnye nastroyeniya: monitoring [Emigration sentiments: monitoring], VCIOM, 2022, URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigratsionnye-nastroyeniya-monitoring> (access date 30.07.2024).
- Emigratsiya i emigratsionnye nastroyeniya [Emigration and emigration sentiments], FOMnibus, 2022, URL: <https://fom.ru/Nastroyeniya/14712> (access date 30.07.2024).
- ICMPD Migration Outlook. International Center for Migration Policy Development, Vienna, URL: https://www.icmpd.org/file/download/59104/file/230215JCPMD_Migration_Outlook_EasternEuropeCentralAsia_2023_final.pdf (access date 15.08.2024).
- Russians have emigrated in huge numbers since the war in Ukraine. The Economist, 2023, URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/08/23/russians-have-emigrated-in-huge-numbers-since-the-war-in-ukraine> (access date 28.07.2024).
- Chervyakov D., Giucci R. Relocation of people from Russia to Armenia: results of 2nd survey and update of economic implications. Policy Study Armenia PS 02, 2023, URL: https://www.german-economic-team.com/wp-content/uploads/2023/04/GET_ARM_PS_02_2023_en.pdf (access date 30.07.2024).

Received 30.09.2024

Revised 15.11.2024

Accepted 21.01.2025